

УДК 316.647.5

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: «СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Л.Р. Низамова

Аннотация

На материалах репрезентативного социологического опроса населения Республики Татарстан раскрываются коллективные образы «своих» и «чужих» в пространстве этнокультурных и социальных отношений региона. Установлены особенности восприятия представителей других этнических групп, приезжих неместных национальностей из иных регионов России, мигрантов из государств Средней Азии и Кавказа. Выявляются поселенческие, этнические и другие различия восприятия аутгрупп татарстанцами в межкультурном взаимодействии, влияние непосредственного опыта общения с приезжими на распространённость ксенофобии.

Ключевые слова: этничность, мигранты, ксенофобия, социальная дистанция, русские, татары, Татарстан, толерантность, социальное включение, поселенческие различия.

В последнее десятилетие отечественные исследователи констатируют повсеместный рост проявлений ксенофобии, этнической и религиозной нетерпимости, возникновение новых социокультурных различий на фоне актуализации этнического самосознания и религиозной приверженности, интенсификации внутренних и внешних миграций. Социологический опрос населения Республики Татарстан (РТ) в возрасте 18 лет и старше, проведённый в 2012 г. (выборка 1590 респондентов, ошибка выборки 3.3%)¹, позволяет раскрыть особенности представлений о «своих» (ингруппах) и «чужих» (аутгруппах) в поликультурном и многоконфессиональном регионе.

В анкету репрезентативного опроса были включены переменные, являющиеся модификацией подхода американского социолога Э. Богардуса. В 1925–1933 гг. в исследовании расовых отношений он составил ёмкий и многомерный вопрос, предложив своим респондентам выбрать подходящий ответ: «Я согласен иметь дело с представителями определённой расы: 1) в качестве близких по браку, 2) в качестве личных друзей в моем клубе, 3) в качестве жителей моей улицы, 4) в качестве моих сослуживцев, 5) в качестве граждан моей страны, 6) только в качестве туристов» (цит. по [2, с. 81]). Видоизменённые и адаптированные социологами КФУ вопросы позволили измерить степень открытости

¹ Проведен рабочей группой в составе: С.А. Ахметова, Г.Я. Гузельбаева, М.Ю. Ефлова, Л.Р. Низамова, А.Н. Нурутдинова под руководством Р.Г. Минзарипова. По результатам исследований опубликована монография [1].

по отношению к «другим» и готовность к взаимодействию, установить границы между внутренними (ингруппы) и внешними (аутгруппы) социальными общностями, величину социокультурной дистанции между ними.

В проекте казанских исследователей изучалось, в какой мере представители иных этнических групп (национальностей) воспринимаются жителями региона как чужаки. Помимо этого, версия шкалы Богардуса была применена отдельно в сравнительном анализе массового восприятия двух разных категорий мигрантов: а) приезжих неместных национальностей из других регионов России и б) иностранцев из Средней Азии и Закавказья. Основная исследовательская гипотеза состояла в том, что интенсивный миграционный приток в республику в последние годы может трансформировать присущий поликультурному Татарстану климат толерантного и добрососедского взаимодействия представителей разных национальностей. Есть основания полагать, что сфера отношений местного населения и приезжих становится новым проблемным фокусом межкультурных контактов и социальных взаимосвязей в регионе, требующим внимания со стороны региональных властей и экспертов-аналитиков.

Видоизменённая шкала Э. Богардуса в проведённом опросе включала следующие социальные роли, которые представители иных национальностей могут исполнять во взаимодействии: 1) *коллега по работе* (средняя формализованная социальная дистанция); 2) *сосед по месту жительства* (средняя преимущественно неформализованная дистанция); 3) *друг* (ближняя избирательная, главным образом публичная позиция); 4) *супруг (супруга) и член семьи* (самая ближняя дистанционно социальная роль). Для оценки степени толерантности и готовности местного населения к социальному включению приезжих в региональное и национально-государственное сообщество были применены переменные, связанные с ролями *новых земляков-татарстанцев* и *новых россиян*, характеризующие социальные отношения на дальней дистанции. Кроме того, в анализе межэтнических отношений в регионе замерялся параметр, отражающий готовность/неготовность принять представителя другой национальности в качестве руководителя республики.

Суждения татарстанцев о желании взаимодействовать с представителями не своей национальности выявили примечательные различия в позициях этнических татар и русских. С одной стороны, на фоне спокойных межэтнических отношений между народами, традиционно проживающими в регионе, установлена значительная доля нейтральных оценок возможных контактов с другими в качестве коллег, соседей или друзей. Среди этнических русских такой позиции придерживаются 82–84% опрошенных, среди татар – 68–70%; кроме того, среди татар на 4–5% больше, чем среди русских, тех, кто настроен на такие контакты благожелательно.

С другой стороны, каждый десятый русский и почти каждый пятый татарин заявили о нежелании вступать в такое социальное общение. Этническая граница, поддерживаемая татарами, становится ещё более жёсткой, когда речь заходит о желании видеть «других» по национальности в качестве супруга (супруги). Если нейтралитета по этому вопросу придерживается две трети русских, а отвергают такую возможность 34%, то среди татар число нейтральных высказываний составляет не более трети. Доминирующим для титульного этноса является

нежелание вступать в брак с лицами другой национальности (56.5%), причём половина из них придерживается подобного мнения с большой степенью категоричности (ответ *абсолютно не хотелось бы*). Полученные данные убедительно свидетельствуют о том, что наибольшую терпимость и открытость татарстанцы проявляют в отношении представителей других национальностей и приезжих на средней дистанции публичного общения – в роли коллеги, соседа, товарища. Показатель включения «других» в частный круг членов семьи и родственников – самый низкий.

Источник и характер этнокультурного многообразия имеют значение в конструировании образов «своих» и «чужих». Авторы более ранних исследований миграционной проблематики пришли к выводу, что в Татарстане, как и в некоторых других поликультурных регионах страны, более слабая база «для возникновения психологии “агрессивной бдительности” или “предупреждающего отщепенца”» [3, с. 287] в восприятии мигрантов. Это связывалось с привычной для сообщества этнической гетерогенностью региона, которая не оставляет места для антимиграционной враждебности: раз общество не гомогенно с этнической и религиозной точки зрения – значит, «здесь уже нечего терять» [3, с. 287].

Тем не менее этнокультурная ситуация в регионе имеет сложный механизм регуляции и находится в непрерывной динамике. Представители других национальностей вызывают заметно меньше неприятия, чем приезжие; среди последних наибольшее недоверие вызывают иностранцы – самая представительная и динамично растущая категория мигрантов из государств Средней Азии и Закавказья. Если в отношении «других» по национальности местных жителей на средней дистанции позицию «отношусь нейтрально» разделяют от 73% до 75% респондентов, то приезжих неместных национальностей из других российских регионов так воспринимают от 47% до 52%, а иностранцев – лишь 40–44% опрошенных. Если позиция нейтралитета на средней дистанции является преобладающей в отношении лиц другой национальности и прибывших соотечественников, то в отношении мигрантов-иностранцев выявлена значительная доля негативных установок (от 40% до 42.5% воспринимают эту категорию в качестве аутгруппы), составляющая заметную конкуренцию позиции толерантной сдержанности.

Явственно просматриваются территориальные контрасты восприятия «других» по национальности: доля жителей, разделяющих их неприятие, заметно выше на селе, чем в городах, соответственно, число сельчан, придерживающихся нейтральных позиций, заметно ниже, чем среди казанцев и жителей других городов республики (см. табл. 1). Так, доля тех, кто не готов видеть представителей других национальностей в качестве коллеги, соседа, друга, на селе составляет 28–31%, тогда как в Казани – 8–11%, в других городах РТ – 6–9%. Нейтральные установки преобладают во всех типах поселений, однако на селе их доля заметно ниже: она колеблется от 54% до 57%, тогда как в городах она достигает 80–84%. Различия в готовности принять «других» по национальности на средней дистанции в столице Татарстана и других городах не существенны и не превышают величину статистической погрешности. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что мнения жителей села оказываются

Табл. 1

Отношение жителей разных типов поселений Республики Татарстан к представителям другой (не своей) национальности (в процентах)

Желание видеть представителя другой национальности в роли:	Село			Другие города			Казань		
	+	=	–	+	=	–	+	=	–
Коллеги по работе	14.2	56.6	29.2	6.4	84.1	9.5	8.6	82.4	9.1
Соседа по месту жительства	15.4	54.0	30.6	6.2	84.4	9.4	8.0	83.4	8.7
Друга	18.0	54.2	27.7	9.1	80.2	10.6	10.8	83.2	6.2
Супруга (супруги)	12.3	28.5	59.2	7.5	52.7	39.8	10.0	52.4	37.7
Будущего супруга (супруги) своих детей	11.6	28.5	59.9	7.2	51.6	41.3	9.8	51.0	39.1

Условные обозначения: (+) – «хотелось бы» (по сумме ответов «очень хотелось бы», «хотелось бы» и «скорее хотелось бы»), (=) – «нейтральное отношение», (–) – «не хотелось бы» (по сумме ответов «абсолютно не хотелось бы», «не хотелось бы» и «скорее не хотелось бы»).

более поляризованными: если в городах доли желающих и не желающих видеть представителей иных национальностей в своем кругу оказываются приблизительно равными, то на селе сторонников открытости по отношению к «другим» в 1.5–2 раза больше, чем в городах. Однако их доля вдвое ниже числа тех, кто настроен недоброжелательно.

Поселенческие контрасты отчётливо дают о себе знать в самооценке готовности принять других на самой близкой социальной дистанции – желании видеть представителя иной национальности в роли супруга (супруги), а также брачных партнёров своих детей. Позиции казанцев и жителей других городов РТ весьма сходны и оказываются в целом толерантнее, чем суждения сельчан. Последние демонстрируют наиболее высокую степень неприятия представителей других национальностей – 59–60% (в городах этот показатель ниже – 39–41%) и самую низкую готовность сохранять нейтралитет – 28.5% (в городах – 51–53%).

Объяснением полученных данных могут служить характеристики села и города как социально-территориальных общностей и различия присущих им особенностей образа жизни, мышления и поведения обитателей. Сельская общность, отличающаяся социокультурной однородностью, относительной замкнутостью, самодостаточностью первичных экспрессивных связей и приверженностью устоявшемуся укладу жизни, оказывается наименее предрасположенной к социальному включению «других». Этот феномен, воспроизводящийся даже в условиях высоко урбанизированных обществ позднего модерна, достаточно хорошо описан в классической и современной социологической литературе. В отличие от сельской общины город является компактным пространством активного социального взаимодействия самых разных групп общества: этнических, религиозных, политических, профессиональных, расовых и т. д. Социальное общение с «другими», особенно на уровне вторичных инструментальных связей, является для горожанина привычной средой жизнедеятельности в динамичном, конкурентном и обезличенном пространстве.

Однако широко признанное учёными заключение о присущей городу толерантности уточняется и дополняется социологическими данными о позиции рес-

пондентов в отношении приезжих-мигрантов – в результате картина межкультурных контактов становится более сложной, противоречивой и проблемной.

В самооценке готовности местного населения взаимодействовать с приезжими в публичном поле и преимущественно на средней дистанции (в качестве коллеги, соседа и друга) просматривается ряд разнонаправленных тенденций. С одной стороны, по сравнению с отношением к представителям других национальностей вообще увеличивается доля готовых принять вновь прибывших во всех типах поселений, отчасти за счёт этого снижается доля разделяющих нейтральные позиции (эта тенденция особенно выражена в городах, прежде всего в столице республики). С другой стороны, именно в городах резко возрастает доля не согласных взаимодействовать с мигрантами. Данные свидетельствуют о том, что татарстанцы более терпимо относятся к присутствию соотечественников из других регионов России, чем к приезжим из государств Средней Азии и Кавказа.

Анализ данных об отношении местного населения к выходцам из регионов своей страны (представителям неместных национальностей) позволяет сделать вывод, что негативизм в отношении «других» на селе сохраняет свои количественные параметры: при преобладании придерживающихся нейтралитета (39–44%) сосуществуют поляризованные и приблизительно равные доли сельчан (около четверти), согласных и не согласных на включение приезжих соотечественников в социум. Этносоциальные процессы в городской среде развиваются иначе, в столице республики и других (провинциальных) городах они имеют свою специфику. Как и на селе, на фоне снижения числа нейтральных суждений происходит увеличение доли согласных принять российских приезжих на средней социальной дистанции (например, в социальной роли коллеги в Казани – от 9% до 15%, в других городах – от 6% до 20%). Предположительно согласие подпитывается как гуманистическими и либеральными установками, так и прагматическим расчётом «пользы», которую приносят трудовые мигранты. Однако намного заметнее оказывается более широкая распространённость интолерантных суждений: если в других городах их доля в отношении мигрантов в 2 раза превышает показатель, выявленный в отношении «других» по национальности, то в Казани негативизм выше в 3–5 раз. Парадоксальным образом среди разнообразных типов поселений республики не сёла, а региональная столица стала местом распространения наибольшего недоверия и даже ксенофобии в отношении приезжих. По большинству замеренных переменных доля несогласных принять мигрантов преобладала над противоположной точкой зрения (см. табл. 2).

Выраженные проявления ксенофобии в столице республики, являющейся крупным и динамично развивающимся городом с населением более 1.1 млн человек, безусловно, объясняются тем, что именно Казань и прилегающие к ней территории муниципальных районов являются местом основного притока приезжих, в том числе иностранцев – трудовых мигрантов из Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Украины и других стран. По данным УФМС по РТ за 2011 г. и государственной статистики, почти 70% разрешений на работу мигрантам из-за рубежа были оформлены в Казани (см. [1, с. 17–18]). Кроме того, столичный рынок труда оказывается пространством, предоставляющим самые широкие экономические возможности в регионе, и вместе с тем

Табл. 2

Отношение жителей разных типов поселений РТ к приезжим (представителям неместных национальностей) из других регионов России (в процентах, за исключением затруднившихся ответить)

Отношение местных жителей к тому, чтобы приезжие из других регионов России стали:	Село			Другие города			Казань		
	+	=	-	+	=	-	+	=	-
Новыми земляками-татарстанцами	23.8	43.9	25.3	21.2	53.9	19.7	14.8	47.5	32.4
Коллегами по работе и сослуживцами	26.8	44.2	22.2	20.2	58.2	18.0	14.8	52.0	28.7
Соседями по дому или подъезду	23.5	40.6	28.7	18.4	55.0	22.7	12.0	52.5	30.2
Друзьями	25.1	38.7	28.7	20.9	49.8	24.2	15.5	50.1	26.8
Родственниками и членами семьи	17.1	27.4	47.1	12.3	40.3	39.1	10.8	34.5	48.4

Условные обозначения: (+) – «согласен» (по сумме ответов «согласен» и «скорее согласен, чем не согласен»), (=) – «нейтральное отношение», (-) – «не согласен» (по сумме ответов «не согласен» и «скорее не согласен, чем согласен»).

является местом наиболее жёсткой конкуренции за рабочие места, привлекательные условия труда, высокие заработки. Всё это создаёт дополнительную миграционную нагрузку на локальный рынок труда и социальную инфраструктуру, усиливает соревнование за доступ к социальным благам в условиях воспринимаемого всё более остро социально-экономического неравенства, широкого распространения неполной, нестандартной и теневой занятости местного населения и нарастающего ощущения социальной, экономической и правовой депривации.

Неслучайно наиболее явные признаки отторжения татарстанцы демонстрируют в отношении иностранцев – трудовых мигрантов из государств Средней Азии и Кавказа (см. табл. 3). Это становится особенно заметным в столице региона, где наблюдается самый низкий уровень согласия на социальное включение иностранцев, а толерантные установки и позиция неприятия на средней дистанции взаимодействия местных и приезжих в количественном отношении уравниваются. На дальней дистанции (в качестве новых россиян и земляков-татарстанцев) нейтралитет явно уступает негативным установкам. Частная сфера семейно-родственных отношений оказывается наиболее закрытой для представителей аутгрупп во всех типах поселений.

Возникает вопрос: почему на средней дистанции социального общения с иностранцами (как сослуживцами, соседями и даже друзьями) уровень негативизма в Казани не является столь же высоким, что и уровень, установленный для «дальних» социальных ролей? Полученные в ходе опроса данные идут вразрез с логикой, предполагающей, что чем ближе социальные контакты с «другими» («чужими»), тем значительнее сила отторжения, и наоборот: чем больше социальная дистанция, тем выше уровень нейтралитета и терпимости.

Табл. 3

Отношение жителей разных типов поселений Республики Татарстан к приезжим из Средней Азии и государств Кавказа (в процентах, за исключением затруднившихся ответить)

Отношение местных жителей к тому, чтобы приезжие иностранцы стали:	Село			Другие города			Казань		
	+	=	-	+	=	-	+	=	-
Новыми россиянами	9.0	34.2	47.1	10.9	44.1	39.2	7.7	30.2	55.5
Новыми земляками-татарстанцами	9.4	34.0	47.3	10.0	44.1	40.4	6.9	33.7	53.9
Коллегами по работе и сослуживцами	11.5	36.2	43.9	11.9	49.2	34.1	8.3	44.3	42.5
Соседями по дому или подъезду	10.1	36.0	45.4	9.1	49.2	36.4	7.7	43.7	44.3
Друзьями	11.4	31.9	48.1	11.6	44.9	37.5	9.6	40.8	43.0
Родственниками и членами семьи	5.4	18.3	65.7	6.9	29.2	56.3	6.0	23.7	63.3

Условные обозначения: (+) – «согласен» (по сумме ответов «согласен» и «скорее согласен, чем не согласен»), (=) – «нейтральное отношение», (-) – «не согласен» (по сумме ответов «не согласен» и «скорее не согласен, чем согласен»).

Объяснением может служить представление татарстанцев о наиболее уместном варианте политики, которой следует придерживаться в отношении приезжих иностранцев: многие (43%) высказались за разрешение только временного проживания в России. Пятая часть полагала, что въезд в страну вообще должен быть запрещён; около трети опрошенных затруднились с ответом; лишь 6% поддержали содействие укоренению приезжих в стране. Нельзя не обратить внимание то, что в Казани при меньшей доле жителей, не определившихся с ответом, более половины горожан допускали возможность лишь временного присутствия иностранцев, доля готовых согласиться со стратегией натурализации насчитывала менее 4%; вместе с тем настаивающих на запрете въезда было на 10% меньше, чем на селе, и не больше, чем в среднем по республике. Приведённые данные означают, что казанцы признают пользу, которую приносят городу трудовые мигранты (способность выполнять тяжёлую, неквалифицированную и малооплачиваемую работу, не востребованную местным населением, а также высокую трудовую мотивацию и работоспособность), и готовы извлекать выгоду из их временного присутствия рядом. Но когда озвучивается вероятность получения приезжими равных прав, обязанностей и статуса, предполагается возможность конкуренции на равных условиях в национальном и региональном масштабах, настроения ксенофобии безоговорочно берут верх.

Позиции представителей двух крупнейших этнических групп в республике – татар и русских – в отношении приезжих в значительной степени схожи. Большая терпимость и открытость проявляются по отношению к соотечественникам, прибывшим из других регионов России, а не к мигрантам-иностранцам. Если в отношении первых на дальней и средней дистанции социального взаимодействия доминируют нейтральные суждения, то во втором случае заметно возрастает доля отрицательных установок, которые по своей частоте приближаются к нейтральным оценкам, а в некоторых случаях превосходят их и по ряду замеренных

переменных (дальние социальные роли «новых россиян» и «новых земляков-татарстанцев») оказываются доминирующими. Вдвое снижается распространённость ориентаций на социальное включение приехавших из-за рубежа. Вместе с тем имеют место некоторые нюансы в позициях этнических русских и татар. В отношении мигрантов неместных национальностей из других регионов России татары демонстрируют чуть больше (на 5%) доверия и готовности к социальному взаимодействию на средней дистанции, чем русские, однако в частной жизни (дружеской и семейной среде) оказываются более закрытыми: заметно уменьшается доля настроенных нейтрально и увеличивается число негативных установок (их на 7% больше, чем у русских).

Иностранцы из государств Средней Азии и Кавказа не вызывают расположения и доверия жителей региона не только на ближней, но и на дальней дистанции общения, однако примечательны более высокие (на 17%) показатели сдержанной нейтральности в оценке татарами перспективы натурализации приезжих – возможности стать российскими гражданами. Это объясняется тем, что интересы значительной части этнических татар сфокусированы на «своём» регионе, республиканская лояльность у них выражена особенно отчётливо, поэтому большую озабоченность и недовольство вызывает вероятность видеть мигрантов-иностранцев в республике в качестве земляков-татарстанцев. В целом в оценке политики, которая была бы оправданной в отношении приезжих из-за рубежа в России, татары несколько чаще высказываются за запретительные меры, поэтому их число среди допускающих временное проживание мигрантов в России на 9% меньше, чем среди русских.

По данным опроса, не все жители республики имеют непосредственный опыт общения с приезжими из государств Средней Азии и Кавказа (таковых около 51%). В связи с этим представляется уместным рассмотреть того, в какой степени отношение местного населения к мигрантам обусловливается имеющимся или отсутствующим опытом личного общения. Безусловно, среди тех, кто ещё не приобрёл опыт взаимодействия с мигрантами, в 2–3 раза больше затрудняющихся с ответами на вопрос в духе подхода Э. Богардуса (7–10%), однако полученные данные позволяют установить ряд примечательных закономерностей.

Независимо от наличия опыта в отношении приезжих неместных национальностей из других регионов России на средней и дальней дистанции в целом преобладает нейтральная сдержанность, на ближней дистанции доминирует настроенность на социальное исключение «чужаков». При этом просматривается следующая тенденция: имеющие опыт социального общения с мигрантами по всем фиксируемым переменным демонстрируют большую готовность к их социальному включению или нейтральные установки и, соответственно, меньший негативизм, чем те жители региона, которые ещё не обрели опыт личных контактов. Например, не обладающие опытом на 5% реже выражают согласие принять приезжих соотечественников в качестве коллег и соседей, на 7% реже – в роли друзей. Они на 9% чаще выказывают нежелание дружить с приехавшими из других регионов страны.

Табл. 4

Отношение жителей РТ, имеющих и не имеющих опыт общения с мигрантами, к приезжим из государств Средней Азии и Кавказа (в процентах, за исключением затруднившихся ответить)

Отношение местных жителей к тому, чтобы приезжие иностранцы стали:	Имеющие опыт общения с нерусскими приезжими из государств Средней Азии и Кавказа			Не имеющие опыта общения с нерусскими приезжими из государств Средней Азии и Кавказа		
	+	=	–	+	=	–
Новыми россиянами	11.7	37.2	46.9	6.8	35.3	48.1
Новыми земляками-татарстанцами	11.2	38.9	46.3	6.5	36.0	48.7
Коллегами по работе и сослуживцами	13.2	45.6	38.0	8.3	40.2	43.7
Соседями по дому или подъезду	10.7	46.1	39.9	7.2	38.9	45.5
Друзьями	13.1	44.9	38.0	9.1	33.4	48.4
Родственниками и членами семьи	8.4	28.0	58.9	3.9	19.3	65.3

Условные обозначения: (+) – «согласен» (по сумме ответов «согласен» и «скорее согласен, чем не согласен»), (=) – «нейтральное отношение», (–) – «не согласен» (по сумме ответов «не согласен» и «скорее не согласен, чем согласен»).

При сходстве основных тенденций распределения мнений имеющих и не имеющих опыт общения с нерусскими приезжими из государств Средней Азии и Кавказа на дальней дистанции (доминирующей позицией, разделяемой почти половиной опрошенных, является социальное отторжение мигрантов-иностранцев) восприятие контактов на средней и ближней дистанции имеет примечательные особенности (см. табл. 4).

Имеющие опыт общения настроены чуть более доброжелательно, на средней дистанции социальных контактов преобладают нейтральные установки, которые встречаются на 7–8% чаще, чем негативные реакции. Татарстанцы, не имеющие опыта социального общения с мигрантами-иностранцами, напротив, чаще демонстрируют неприятие и неготовность к взаимодействию. Отторжение усиливается по мере сокращения социальной дистанции и становится максимальным в оценке возможности породниться с приезжими. Вместе с тем, как это уже отмечалось ранее, внимание привлекает выраженный негативизм в отношении во многом абстрактных «воображаемых» связей в качестве соотечественников и земляков-татарстанцев, не требующих личного знакомства и соприсутствия.

Приведённые данные являются неоспоримым подтверждением наличия ксенофобии, шовинизма и нетерпимости у значительной массы местного населения, наблюдаемых и в других регионах России. Было бы неверным сводить проблему исключительно к состоянию межэтнических и межрелигиозных отношений, стойкому воспроизводству этнических предрассудков или усугублению исламофобии в условиях нарастающих террористических угроз. Объяснение сложных механизмов межкультурного взаимодействия и производимых ими эффектов не может быть одномерным. Во внимание должны приниматься не только этнокультурные, но и социально-экономические и политико-правовые

детерминанты – значение относительной социальной депривации массовых слоёв населения и формирование новых классовых и статусных иерархий в российском социуме, неоднозначная реакция различных секторов общества на стремительные социальные и культурные изменения в условиях глобализации и всё большей проницаемости национальных границ, размывание устойчивости локальных жизненных миров под влиянием беспрецедентной открытости и динамичности социальных практик в мировом сообществе начала XXI столетия. Новый социальный контекст межкультурного взаимодействия актуализирует значение региональной этнокультурной политики и инициатив в интересах обеспечения культурных свобод, социальной справедливости и гражданского единства.

Работа выполнена в рамках Государственного задания Казанскому федеральному университету Минобрнауки РФ (проект № 6.8625.2013).

Summary

L.R. Nizamova. Intercultural Interactions in the Republic of Tatarstan: Ingroups and Outgroups in the Mass Consciousness.

In this paper, we reveal the collective images of “insiders” and “outsiders” in the space of ethnocultural and social relations in the region on the basis of a representative sociological survey among the population of the Republic of Tatarstan. We identify specific features of the attitude towards the representatives of other ethnic groups, migrants of nonlocal nationalities from other regions of Russia, and migrants from the states of Central Asia and the Caucasus. We reveal territorial, ethnic and other differences in the perception of the outgroups by Tatarstan’s residents and examine the influence of first-hand experience of communication with migrants on the spread of xenophobia.

Keywords: ethnicity, migrants, xenophobia, social distance, Russians, Tatars, Tatarstan, tolerance, social inclusion, territorial differences.

Литература

1. Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане / Науч. ред. Р.Г. Минзарипов. – Казань: Казан. ун-т, 2013. – 267 с.
2. *Татарова Г.Г.* Методология анализа данных в социологии (введение). – М.: Стратегия, 1998. – 224 с.
3. Региональное измерение трансграничной миграции в Россию / Науч. ред. С.В. Голунов. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 351 с.

Поступила в редакцию
27.05.13

Низамова Лилия Равильевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: Lilia.Nizamova@kpfu.ru